

ВДОВА ГОЛЬДОНИ

(пьеса в одном действии)

Мария Луиза Спаццани

Действующие лица:

В д о в а Г о л ь д о н и
К у н и г у н д а

Париж. Гостиная буржуазной семьи среднего достатка, о котором, впрочем, свидетельствуют лишь немногочисленные статуэтки и кое-какие безделушки, да отдельные предметы, преподнесённые когда-то синьору Карло Гольдони с выгравированными на них дарственными надписями. На сцене — Вдова Гольдони. Она в цепце, из-под которого выбиваются пряди седых волос. (Стук в дверь).

В д о в а Г о л ь д о н и. Кто там? Кого надо? Отвечайте! Или уходите!

Голос из-за двери. Это я, гражданка, твоя соседка Кунигунда. Пришла занять парочку яиц.

В д о в а. Нет здесь никакой гражданки. Тут живу я, синьора Мария Nicoletta Гольдони, итальянка. Ну хорошо, открываю.

Входит Кунигунда. На ней выдавший виды наряд с остатками когда-то яркой расцветки, голова покрыта чем-то вроде фригийского колпака.

Скажите тоже! Откуда им у меня быть...

К у н и г у н д а. Неужели тебе до сих пор неизвестно, что ты теперь гражданка, а не кто-нибудь?! И хотя ты, понятное дело, иностранка, приехала издалека, из тебя так и прёт буржуазка, но пора уже вбить себе в голову раз и навсегда: *мадамы* и *мадемуазели* больше не существуют. Теперь все равны — что тебе пекарь, что принц, и женщины тоже наконец-то равны, хоть богатые, хоть бедные, замужние и безмужние!

В д о в а. Их называют незамужними. А вы сами, кстати, к кому из них относитесь?

К у н и г у н д а. А тебе какое до этого дело? При покойном муже ты нос задирала, мужчины тебе ручку целовали. А сейчас, смотри-ка, до чего дошла! Почти всё продала: и ковры, и украшения, и статуи, и медали...

В д о в а. И тем не менее, это ведь вы пришли позаимствовать у меня два яйца. Кроме того, не зазорно обеднеть после стольких лет достойной жизни в достатке.

К у н и г у н д а. Смотрите, как она заговорила! Спустила даже портреты предков в золотых рамках! А главное-то, куда делась чудесная квартира из пяти комнат, с библиотекой и огромными окнами, из которых был виден Нотр-Дам? Где липовый чаёк, который вы с муженьком распивали по утрам, глядя на фасад Нотр-Дам в лучах восходящего солнца... А с собора то и дело слетали голуби — и опять возвращались... Теперь вот — с нетерпением ждёшь, когда принесут пенсию, как подарок судьбы на закате жизни, и мансарда напротив загоразивает тебе свет солнца.

В д о в а. Между прочим, в последние годы это даже нравилось мужу. Хотя многие над ним и посмеивались, поскольку считали, что это просто блажь, чтобы, как говорится, сохранить мину при плохой игре. Но он и вправду так думал, когда говорил, что, закрыв глаза, можно лучше рассмотреть любую вещь. Потому что суть всех предметов скрыта за их внешним видом. Воссоздавая же её мысленно, в своём воображении, мы таким образом познаём их реальную природу, лучше понимаем, что они собою представляют на самом деле, как бы погружаемся в них — и присваиваем их себе. Он говорил, что если Гомер поведал нам самую яркую историю за все времена, то это лишь благодаря своей слепоте.

К у н и г у н д а. А в молодости он что, тоже так рассуждал?

В д о в а. Говоря по правде, нет. Об этих вещах он начал распространяться, когда стал хуже видеть. Кстати, и Бетховен кое-что приобрёл именно благодаря своей глухоте. Она обострила его слух и позволила слышать музыку, которую иначе и не услышишь. Короче, муж стал сочинять, закрыв глаза, и таким образом продиктовал мне все свои последние комедии.

К у н и г у н д а. Ого! О том, как работать с закрытыми глазами, и мне кое-что известно.

В д о в а. Кстати, уж если мы с вами живём по соседству, то давайте познакомимся. Расскажите о себе. Но прежде объясните, почему вы решили обращаться ко мне на «ты»?

К у н и г у н д а. Да ведь я только что объяснила тебе, что мы теперь все равны!

В д о в а. У нас в Италии — особенно у меня на родине, в Генуе, — люди определённого уровня переходят на «ты», только если их предки были знакомы между собой на протяжении двух-трёх поколений. Но делать нечего, будь по-вашему. Обращайтесь, как считаете нужным. А теперь расскажите мне хоть немного о вашей работе, которую тоже можно выполнять, закрыв глаза.

К у н и г у н д а. Я... занимаюсь искусством.

В д о в а. Надо же, весьма интересно! Ведь я никогда не была знакома с людьми искусства. Даже с актёрами, не говоря уж о художниках, скульпторах или архитекторах. Правда, мой муж был связан с театром...

К у н и г у н д а. Да ну?! Здесь это не секрет. Между прочим, другой итальянец, который бывал у меня, ну, ваш приятель, как его... ах да, Витторио, он тоже рассказывал много смешных историй про драки, особенно про одну — ссору рыбаков с торговцами рыбой... Помню, я хохотала до упаду!

В д о в а. Какой Витторио?

К у н и г у н д а. Ну, как его... Фиеро?!, нет, Альфиери..., да, так его звали. Он тоже придумывал разные истории для театра, но, мамой клянусь, в них не было ничего смешного. Драки, дуэли, месть, и так без конца. И всё это ещё и в стихах, как будто ему и так было мало. А твой муж, вот он знал, как позабавить народ.

В д о в а. А вы — каким видом искусства занимаетесь?

К у н и г у н д а. О, это особый жанр. Ещё до революции, лет пятнадцать назад, я начала позировать художникам и скульпторам. Так сказать, *вдохновлять* их своим телом. До чего ж я тогда была хороша! А потом, когда всё это случилось, когда улицы залило кровью, для искусства не осталось места. Но страждущие не забыли про моё тело и стали платить просто за то, чтобы я раздевалась перед ними догола... Ты понимаешь, о чём я, гражданка? Вот тебе и всё искусство.

В д о в а. Как — «догола»? Вы оголялись и позволяли смотреть на себя?

К у н и г у н д а. Ну да. Что ты находишь в этом странного? Это служило им утешением: политики и рабочие приходили отвлечься от борьбы, от всех этих демонстраций, баррикад и сражений, крестьяне — от гильотины, на которую они как раз и приезжали поглазеть в Париж. А вечерами их всех тянуло ко мне, немного поразвлечься. Один раз даже сам палач заскочил после работы.

В д о в а. И что же, они все стояли и смотрели?

К у н и г у н д а. Ну, бывало и так. Смотрели, дотрагивались, ласкали, — постарайся понять, — может, представляли себе, что гладят стацию. В остальном же заповедь одиннадцатая должна была бы гласить: возрадуй ближнего своего.

В д о в а. Однако такое может далеко завести. А глядя на вас в таком виде, разве никто, как бы это сказать, не пытался отнестись к вам без должного уважения?

К у н и г у н д а. Да где тебе вбили в голову такую бредятину?! В какое время ты живёшь-то? Откуда ты такая взялась?

В д о в а. Я воспитывалась в монастыре Святой Урсулы. Почти до восемнадцати лет.

К у н и г у н д а. Напрасная трата времени — тем более в таком возрасте! Хотя, к счастью, там ты, как я погляжу, не совсем пропала.

В д о в а. О чём вы говорите? То были лучшие годы моей жизни! Я была чиста душой и телом, я мечтала... А часы, свободные от молитвы, проводила в саду. За прилежное поведение мне было даровано право срезать там лилии, которыми в церкви украшали алтарь Святого Луиджи.

К у н и г у н д а. Нет, вы только послушайте её! И чего же тогда ты там не осталась?

В д о в а. Полный отказ от собственной воли и подчинение слову святого отца, не так ли? Но когда

он сообщил мне, что я должна выйти замуж за некоего синьора Карло Гольдони, я ужасно расстроилась, возможно, даже разозлилась, да простит меня Господь, но делать было нечего. Ведь в противном случае я бы совершила смертный грех.

К у н и г у н д а. И вместо того чтобы скакать от радости, держу пари, что ты заливалась слезами, прощаясь с лилиями для Святого Луиджи.

В д о в а. О да. А самым тяжёлым оказалось расставание с сестрой Зефриной, вот уж кто был истинный ангел во плоти, святая, чистая душа, горевшая пламенной верой! Вот на кого я мечтала быть похожей! Частенько, холодными ночами, мы вместе молились в церкви, и слёзы умиления лились из наших очей пред образом Благовещения.

К у н и г у н д а. Прямо помираю со смеху. Ну а замужем-то тебе хоть понравилось? Как прошла первая брачная ночька?

В д о в а. Мы с Карло оба так простыли, что с вечера продезинфицировали спальню парами отвара из ромашки и потому крепко уснули.

К у н и г у н д а. Ну, а на следующую ночь?

В д о в а. Он рассказывал мне про своих дядюшек и тётушек, кузенов и кузин, про свои занятия, делился идеями и планами, говорил о своей любви к театру...

К у н и г у н д а. Да не об этом я хочу услышать!

В д о в а. Но о чём именно хотели бы вы узнать?

К у н и г у н д а. Я же объясняла, что моё искусство — это искусство тела, и мне безумно интересны любые истории про тело, а ещё лучше — про тела, когда они соединяются. Ты понимаешь, о чём я? Неужели у тебя не осталось какого-нибудь остренького воспоминания, которым ты могла бы со мной поделиться?

В д о в а. А-а, понимаю: вы — распутница. Я никогда не видела своего мужа обнажённым, если вы это имеете в виду, и уж тем более он не видел меня в таком виде. Ему бы никогда и в голову не пришло отнестись ко мне как к статуе, которую можно ласкать. Мы оба сквозь землю от стыда провалились бы только от одной мысли об этом. Вы рассуждаете так, как будто греха вообще не существует.

К у н и г у н д а. Вот ещё придумала: грех. Чистой воды выдумка! Только-только освободили страну от господ со всеми ихними придумками про обручения, свадьбы, крещения, когда младенцев заваливают цветами... А еще пышные похороны, на которых в дроги впрягают шестёрку строптивых кляч! Всего и не перечислишь... Снесли, считай, двенадцать тысяч голов, а ты мне толкуешь про грехи! Ты — старуха, не спорю, но уж больно хочется потолковать с тобой про то, что ты упустила в жизни. К примеру: ты понимаешь хоть, что значит «заниматься любовью»?

В д о в а. Это значит любить и понимать друг друга, помогать друг другу и проявлять взаимную заботу.

К у н и г у н д а. И сколько же деток у вас получилось при таких понятиях?

В д о в а. Ни одного.

К у н и г у н д а. Это уж точно. А за сорок лет, что ты провела замужем, тебе ни разу не пришло в голову попробовать: может, у другого мужчины что получится?

В д о в а. Да что вы такое говорите, мадемуазель?! Я начинаю думать, что вы и впрямь распутница, и это ещё мягко сказано. Так что мне лучше вообще перестать вас слушать, особенно в присутствии моего бедного Карло — вот его портрет на стене, прямо над нами. Возьмите яйцо, другого у меня нет, и соизвольте уйти.

К у н и г у н д а. Значит, не хочешь, чтобы я рассказала о том, чего тебе в жизни не досталось?

В д о в а. А чего недосчитались вы сами в своей жизни, разве вам это известно? И уж тем более о той восхитительной жизни, которую прожила я, вы и понятия не имеете. Прежде всего о том, с какой нежностью, вниманием и уважением относился ко мне Карло. Сколько было у нас праздников, веселья, театральных представлений, скольких людей я повидала, со сколькими познакомилась — богатые и бедные, знатные и незнатные. Сколько приключений я пережила благодаря моему Карло, как же он был неистощим на выдумки! А ещё — балы и званые обеды во дворцах и весёлые ужины в харчевнях и трактирах по всей Италии. А знаменитый карнавал в Риме, один он многого стоит! А бесчисленные путешествия и возможности, которые там открывались! Так, в Париже, где Карло давал уроки итальянского сестре несчастного Людовика, мы были среди почётных гостей, которым довелось подняться на воздушном шаре. А в театрах тысячи зрителей плакали и смеялись над тем, что написал мой муж — я видела это собственными глазами, и я же была единственным свидетелем его трудов. Золотые дожди нежданно-негаданно проливались над нами — и бесследно испарялись в мгновение ока, как исчезает туман при появлении солнца, и надо было начинать всё вновь с чистого листа... Сорок лет длилась эта вечная молодость!

К у н и г у н д а. И невинность в придачу. Наследство белых лилий Святого Луиджи.

В д о в а. Если я вас правильно поняла, мадемуазель Кунигунда, мир в вашем понимании ограничивается физиологическим актом совокупления, не правда ли?

К у н и г у н д а. Что значит «физиологический акт совокупления»?

В д о в а. Не вынуждайте меня уточнять. Вы всё превосходно поняли.

К у н и г у н д а *(со смехом)*. А вот и нет.

В д о в а. Не принуждайте меня говорить на эту тему.

К у н и г у н д а *(с наигранным простодушием)*. Так что же такое «физиологический акт совокупления»?

В д о в а. В двух словах, это тот момент ночью, когда супруги ложатся вместе, когда он соблазняет её, а потом совершает... одним словом, если хочет иметь детей... совершает этот акт.

К у н и г у н д а. Ага, но как это происходит на деле-то?

В д о в а. Мадемуазель, даже если вы и не замужем, это должно быть вам известно. Лично я не могла — в силу своих супружеских обязанностей, а также испытывая самые лучшие чувства по отношению к мужу — полностью избавить себя от такого рода объятий; к тому же я не могу отрицать,

что была совершенно к ним равнодушна. В наше время супружество было освящено традицией, и это оправдывало в нём всё. Я относилась к супружеству, как к театральному спектаклю, но муж возбуждался, говорил мне всякие ласковые слова, звал по имени — Николетта, Николетта... и мало-помалу начинал тяжело дышать, а потом, как с цепи сорвавшись, набрасывался на меня... и порой, да простит меня Господь, ревел подобно дикому зверю. Буквально как на сцене, хотя ничего подобного в его комедиях не найти. Я же всегда оставалась зрительницей, хоть и на супружеском ложе, искренне желая, чтобы спектакль быстрее подошёл к концу.

К у н и г у н д а. Ты уже стара, поэтому открою тебе глаза: всем вокруг прекрасно было известно, что твой муж проделывал этот самый «физиологический акт совокупления» со многими дамами и субретками, которые вели себя в постели совсем не как зрительницы, а получали удовольствие на всю катушку и вопили от наслаждения не меньше его.

В д о в а. А-а, я слышала про это. Не скажу, чтобы такого не могло быть. Взять, к примеру, Мирандолину, — ту, а вернее, одну из тех, что его вдохновляли, как всем хорошо известно. Так вот, если хотите знать: не раз по ночам, тиская подушку, Карло бормотал во сне: «Мирандолина, Мирандолина...». Но в эти моменты он имел в виду отнюдь не женщину во плоти, не её он звал по имени, как меня, но обращался к персонажу своей пьесы. Потому что всю жизнь Карло прожил в вымышленном мире, его реальность составляли фантазии, которые он переводил на бумагу, чтобы потом воплотить их на сцене. И это касалось не только женщин.

Взять, к примеру, его жизнь, когда он служил консулом Генуи в Венеции или вёл многочисленные дела в качестве адвоката, и очень известного, между прочим. Об этой жизни он даже не упоминал, а может, просто забыл. Единственное, о чём он с воодушевлением говорил, когда его спрашивали о прошлом, так это о всяких там вымогателях, мошенниках, о простых рыбаках, банкротах, фальшивомонетчиках и иже с ним. Которых он во множестве вывел на сцену. Когда ему случалось полюбоваться восходом или заходом солнца, если его внимание привлекла птичка необычной, яркой окраски или какой-нибудь экзотический горбун, то два-три дня спустя я узнавала про это, когда он читал мне очередную сцену из только-только начатой пьесы. Был большой любитель поест. Заходя в любую таверну, требовал конкретное блюдо, причём объяснял, как именно его следует приготовить. Излишне упоминать, что...

К у н и г у н д а. ...что под этим названием оно и появлялось в очередном диалоге, который он тебе прочитывал на следующий день.

В д о в а. Именно так. Как можно ревновать мужчину, которого одолевает единственная страсть? А когда эта страсть накаляется до такого предела, что другие неизбежно улечиваются? Кроме того, существует ещё и супружеская верность.

К у н и г у н д а. Очень удобно! Особенно для мужчин. А теперь я объясню тебе, что такое «супружеская верность». Так называемая «супружеская верность» — всего лишь вечное лицемерие, от него и все беды в браках, даже в самых удачных. Священники должны были бы требовать от новобрачной другую клятву верности, когда венчают их, такую, например: «Клянусь думать только о тебе, не допускать никого другого в свои мечты, убивать в себе любое новое чувство, любой интерес к кому-либо, кроме тебя, клянусь забыть самое себя во имя любви, ради которой готова отринуть собственную природу и все другие чувства; клянусь до конца жизни быть пригвождённой к твоим прекрасным глазам, как Прометей к скале. Отказываюсь красть огонь, буду подменять его усыпляющим кухонным очагом нашей супружеской верности, покуда смерть не разлучит нас».

В д о в а. Да вы не просто распутница, вы — сам дьявол во плоти!

К у н и г у н д а. Ну, а теперь — объясни-ка ты мне, что такое, по-твоему, «супружеская верность».

В д о в а. Это — совершенная верность. Если бы, застав Карло в объятиях другой женщины, я услышала от него, что это лишь обман зрения, то безоговорочно поверила бы именно ему, а не тому, что видела собственными глазами.

К у н и г у н д а. Тогда у меня к тебе, гражданка, только один вопрос. Сколько раз ты совершала со своим мужем физиологический акт совокупления?

В д о в а. Мадемуазель, давайте заключим соглашение. Сейчас я вам отвечу, после чего вы незамедлительно уйдёте.

К у н и г у н д а. Уйду, только удовлетвори напоследок мое любопытство. Ну — и сколько ж разочков?

В д о в а. О, разве упомнишь, столько лет прошло... Возможно, раз сто.

К у н и г у н д а. И это за сорок-то лет в браке?!

В д о в а. Нет-нет, постойте, вспомнила: сто семь.

К у н и г у н д а. Откуда такая точность?

В д о в а. Потому что по совету сестры Зефрины, наутро после каждого физиологического акта я должна была совершать обряд очищения.

К у н и г у н д а. Это как?

В д о в а. То есть принести покаяние нашему приходскому кюре в Венеции или любому другому — в том городе, где выступала труппа. Надо было пройти долгую исповедь, рассказать в подробностях обо всём, после чего читать разные молитвы и поститься по разумению того или иного из этих святых людей. Их требования всегда были не схожи между собой. И только на второй день я могла приступить к причастию, если, конечно, получала на то благословение. Все эти люди были прелатами и учёными богословами. Первый же из них посоветовал мне носить ладанку.

К у н и г у н д а. Что, что?

В д о в а. Такой полотняный мешочек, куда зашит кусочек кости кого-нибудь из святых. Этот мешочек носят на груди в течение месяца, а потом с благоговением хранят всю жизнь дома. И вот таких мешочков у меня ровно сто семь.

К у н и г у н д а. Мама родная, вот это да! Похоже, Средние века ещё не кончились. И как ты умудрилась уцелеть в Париже, среди урагана революции, когда головы летели одна за другой, а все прежние обычаи и традиции в нашем новом и лучшем мире оказались отменены во имя свободы?

В д о в а. Откровенно сказать, я так и не поняла, при чём тут свобода, если все по-прежнему остаются бедными и все командуют всеми? Истинная свобода вырастает из необходимости. А также из греховности, которую многие считают неизбежной. Что же касается обычаев, то, позвольте вам заметить, что — насколько я замечаю — на улицах и в домах, в общественных и семейных отношениях совершенно одинаково распространилась ужасающая невоспитанность. О чём думал

наш добрый Господь, когда попустил произойти таким чудовищным разрушениям, я боюсь даже помыслить.

К у н и г у н д а. Дорогая гражданка, единственно из-за того, что ты мне симпатична, советую тебе прекратить чуть что ссылаться на Бога, а главное, брось ты искать церкви, в которых случайно оставшиеся в живых кюре ещё служат мессу. Почитай лучше любовный романчик, тогда и узнаешь, чего ты недобрала за эти годы.

В д о в а. Вы всё болтаете, а сами-то совершали «акты физиологического совокупления»?

К у н и г у н д а. Наконец-то я слышу вопрос по делу! Знаешь, за всеми твоими разговорами про лилии и ангелов, про всю эту дребедень я прямо засовестилась. И тем не менее вынуждена сознаться: ох, совершала.

В д о в а. Неужели, мадемуазель! И сколько же раз?

К у н и г у н д а. Скажем так: за месяц столько раз, сколько тебе удалось за все сорок лет.

В д о в а. Какой ужас! Но по какой же причине? Не смею даже подумать, что ради денег, не правда ли, мадемуазель? Продавать душу дьяволу за деньги?! Да за такое грозит наказание, ужаснее которого трудно себе и вообразить! Наверное, вы очень любили некоего одного мужчину, что позволили себе столько актов физиологического совокупления?

К у н и г у н д а. Случалось и такое. Возьмёшь и сделаешь сама себе подарок, но всё же, думаю, для меня это — профессия, не хуже, чем у твоих кюре. Одним словом, я этим занимаюсь ради удовольствия и только, моя дорогая гражданка и подружка ангелов.

В д о в а. Уж не хотите ли вы сказать, что испытываете при этом такое же удовольствие, как и мужчины?

К у н и г у н д а. О да. Именно это я и хочу сказать.

В д о в а. Господи, помилуй! Но тогда объясните мне, как это возможно? Как оно происходит?

К у н и г у н д а. Трудно объяснить на словах, любезная моя мамзель-гражданка.

В д о в а. А вы всё же попробуйте.

К у н и г у н д а. Ну, хорошо. Бывает, заметишь в толпе лицо и глаз не можешь оторвать, затем обязательно обнаружится шея — юная, белоснежная (она-то — важнее всего, ведь именно там — самая нежная кожа)... Потом, особенно летом, представишь себе его плечи под рубашкой, сильные и гладкие на ощупь, руки, мускулистые, красивые... а потом — всё остальное, ещё что пониже... Но самое прекрасное — в эти мгновения ты понимаешь, что и он смотрит на тебя и испытывает то же самое. И тогда твои груди наливаются соком и поднимаются, как две пробуждённые нимфы, а кровь закипает в жилах и жар поднимается от пяток по икрам всё выше и выше, пока наконец не окутает тебя всю, как длинная шаль. Правда, это происходит не на улице, а уже где-нибудь за городом, в поле, где пахнет спелыми колосьями, или в номере гостиницы. Частенько не успеваешь даже узнать, как его звали, потому что до слов дело так и не доходит. Весь этот жар тогда сосредоточивается в одной точке твоего тела, которая заменяет сердце. Ты вся горьшь и уже не понимаешь, где кончается твоё тело и начинается его, и тебе кажется, что ты вся светишься и сверкаешь, что всё в тебе громко-громко поёт, хотя ты не произносишь ни звука. Кричишь молча.

Пауза

В д о в а. Но... но если так, значит и я испытывала то же самое.

К у н и г у н д а. Вот как? Я что-то не пойму. Ты же всё время твердила совсем про другое.

В д о в а. Да, такое со мной было три раза в жизни, и я часто об этом вспоминаю. К сожалению, мой бедный Карло был тут почти ни при чём, то есть в том прямом смысле, о котором вы говорите.

К у н и г у н д а. Короче, ты признаёшься, что наставляла ему рога, которых он безусловно, заслуживал?

В д о в а. Нет, это было всё же не совсем так, как у вас. Но я ещё никому об этом не рассказывала. О том ведаёт один лишь Господь.

К у н и г у н д а. Смелее! Давай, может, я тоже узнаю что-нибудь новенькое. Ну же, гражданка, мадамочка, я вас прошу. Хотя об этом ты, наверное, уже всё рассказала своему исповеднику.

В д о в а. Нет, никому из тех, кому я исповедалась, я не покаялась в этом грехе. Не знаю, что за сила каждый раз меня удерживала, но всякий раз меня одолевал стыд, — возможно, из-за того, что исповедуют всегда только мужчины — или я чего-то здесь недопонимаю. Как бы то ни было, но я должна кому-то всё это рассказать, ведь неизвестно, много ли ещё месяцев мне осталось на этом свете.

К у н и г у н д а. Исповедайтесь же, мадам, облегчитесь от этой ноши.

В д о в а. Итак, впервые это случилось ещё в монастыре, в мае, мне только что исполнилось пятнадцать лет. Как-то раз я спустилась в часовню. Было шесть утра, шёл месяц, посвящённый Деве Марии. Я преклонила колени перед статуей Архангела Гавриила, принесшего Ей Благуя Весть, и в этот момент солнечный луч, проникший через окно, ударил ему прямо в глаза, они были ярко-голубые... Возник аромат лилий и тубероз... Ни звука вокруг... И в этот момент я ощутила то самое, о чём вы рассказывали: как будто горячий поток поднимался от пяток по икрам и окутывал всю меня, как шаль. И некое сердце — словно бы второе — так сильно билось внутри, и такое было ощущение, что вот-вот, ещё немного — и от тебя останется горящая головешка и посыплются искры во все стороны....

К у н и г у н д а. Молодец! Именно так. Воистину, неисповедимы пути Господни. Повезло, что сестра Зефрина в кои-то веки спала.

В д о в а. Нет. Она в это время удалилась в паломничество, чтобы испросить милость...

К у н и г у н д а. Вот как! А во второй раз?

В д о в а. Во второй раз это произошло много лет назад, в Риме, как раз заканчивался карнавал. Вы не представляете, что там творится в последний день, когда Корсо забита тысячами колясок и экипажей, съехавшимися туда со всего города, а везде ещё царит радостное возбуждение, ведь только что закончились гонки необъезженных лошадок — зрелище не хуже корриды. Когда закатные лучи солнца в последний раз блеснут над холмом Монтемарио, отзовутся тысячами бликов в окнах домов и осветят колокольни... все участники маскарада начинают возжигать свечи, рассыпать конфетти, дудеть в трубы, а потом звучат шутки и начинаются игры... На площади Народа устраивают фейерверк, крики, шум, танцы, все обнимаются, целуются, даже незнакомые... Приближается полночь, по толпе словно бы пробегает дрожь... А первый удар в колокол церкви Санта Мария дель Пополо — ровно

в двенадцать — как первый глас трубы Судного Дня: все эти тысячи людей на улицах, площадях и на балконах разом гасят свечи, и все двенадцать ударов звучат в сказочно благоговейной тишине. Все снимают маски и, преклонив колени, осеняют себя крестным знамением. Начинается Великий пост. И вот однажды, как раз в этот момент, когда все безмолвно замерли в страхе, со мной *это* и произошло. Словно ниоткуда налетел бешеный ураган, и меня объял неизъяснимый ужас греховности, мою душу будто выворачивало наизнанку. Карло едва успел подхватить меня, иначе я бы не удержалась на ногах. Я была сама не своя.

К у н и г у н д а. Какая потрясающая история, мадам! Вот какие шуточки-то судьба откалывает! А Карло подхватил вас в свои объятия, решив, что это не более чем простой обморок. Вот смеху-то! Ну, а в третий раз?

В д о в а. В третий раз всё было ещё загадочнее, и тут уже я не могу утверждать, что Карло оказался ни при чём. Правда, он был рядом: спал, когда это произошло. Он уснул в гостинице в Фаэнце, где у нас были гастроли, а я вспомнила, что забыла наши паспорта в театре, и вынуждена была вернуться туда среди ночи.

Ах, эти сцены, сколько я их повидала! И всегда такие разные, искрящиеся светом, в ярком убранстве декораций, пёстрые костюмы актёров, их громкие голоса... И вот впервые я оказалась в безлюдном театре, на сцене, как в пустой раковине — в полной тишине и темноте. Вокруг — ни души. Понимаете, как будто я, при жизни, увидела изнутри суть самой смерти. Той смерти, которая пронизывает собой всё живое, известно нам лишь с внешней стороны. Свет от огрызка свечи у меня в руке выхватывал из тьмы лишь отдельные части занавеса, обшивки кресел... отдельные части какого-то леса, намалёванного на заднике сцены... Мне казалось, будто я лечу вниз с высокой башни, в полной пустоте, а внутри зреет неведомая сила... И вдруг она начала извергаться из меня, словно я попала во власть колдовских чар, от которых кружилась голова. Я казалась себе одним из безмолвных, слепых призраков — всех этих коломбин и мирандолин, рыбаков и влюблённых, которых во множестве породила фантазия Карло во снах и наяву, — это были персонажи всевозможных сказок и его собственных сновидений: они кружились вокруг меня плотным кольцом, которое сжималось всё теснее, теснее... И тут у меня внутри, как много лет назад, вновь всё вспыхнуло, и я ощутила то невыразимое наслаждение, тайная причина которого открылась мне только в эти мгновения. Я познала саму Душу Театра — Душу Любви. Моё глубинное естество испускало лучи мощного света, и они стали стеной против разрушительного огня. И если я познала истинную любовь, если испытала её с Карло, если нас соединяла та любовь, от которой зачинают детей, то такую любовь я испытала именно там — на пустой сцене безлюдного театра.

К у н и г у н д а. Что ж, мадам, ты заставила меня пустить слезу. Очень может быть, что ты получила от любви больше моего. Такое — скажу тебе по правде — дорогого стоит. Да уж: это стоит многого.

КОНЕЦ

Рим, 10 марта 1993 г.

Перевод с итальянского Александра Сергеевского

